

ПРОЛОГ

ДЖЕК

Если бы вы спросили у Джека Уордена, что он больше всего любил до ТОГО страшного дня, он без раздумий перечислил бы: черный кофе, голубое небо и дорогу в город — чтобы в зеркале заднего вида виднелась гора Килиманджаро, закутанная в облака, а девочка, завладевшая его сердцем, подпевала лившейся из радио песне. Потому что Джек был абсолютно ясным и прозрачным, как африканская саванна после дождя. Он пережил свою порцию житейских бурь — остался в детстве без родителей, потерял в результате развода свою студенческую любовь, — но умел падать на четыре лапы и держать удар. Научился этому давно, на пыльных сафари в национальном парке Серенгети, где охотник и дичь играли в прятки среди высокой, колышущейся под ветром слоновой травы.

Джек был крепким и живучим. Бывало, его сбивали с ног, но он всегда поднимался. Его наполняли радостью летние недели, когда дочка гостила у него на кофейной плантации, грызла попкорн, месила из грязи «кисель-мисель», гонялась за лягушками. Джек и так обладал такой энергетикой, что все головы поворачивались к нему, когда он куда-нибудь входил, а уж в эти дни от него вообще летели искры — он весь светился счастьем.

— Лили, положи обратно, — сказал он, когда дочка открыла бардачок и достала шоколадку, полурастаявшую, словно ее держали в сауне.

— Но шоколад самый вкусный, когда немного расплавится. Гюма всегда оставляет его на жару для меня.

— Гюме девяносто лет. Мозги у нее такие же расплавленные, как эта шоколадка.

Дочка рассмеялась, потому что они оба знали, что бабушка Джека была шустрой и проницательной, как черная мамба. Просто она была полна эксцентрики и чудачеств и жила в собственном ритме. За это и получила имя «Гюма», от слова «*нгома*», что на суахили означает «барабан».

— Нет, Лили, нет. Сейчас весь шоколад будет на твоей юбочке. Ли... — Джек вздохнул, когда пухлые восьмилетние пальчики разорвали фольгу. Он мог бы поклясться, что услышал смех Гюмы, сидевшей на террасе их белого дома у подножья горы. Улыбнувшись, он снова направил все внимание на дорогу, запечатлев в сознании образ дочки — большеглазой и кудрявой, в радужной балетной пачке и с полосками шоколада вокруг рта. Такие минуты он потом часто вспоминал в те долгие месяцы, когда она возвращалась к матери в Кейптаун.

Когда они въехали на объездную, Джек положил локоть на открытое окно. Его кожа была покрыта загаром, совсем как у туристов, приехавших с пляжей Занзибара, но только его загар был постоянным, приобретенным за годы работы под солнцем Танзании.

— Ты запишешь мое выступление? — спросила Лили.

Это была негласная договоренность между ними. Лили целыми днями заставляла его и Гюму смотреть на ее танец. Она вручала им таблички с цифрами, и баллы медленно росли, потому что она не позволяла им уйти, пока не добивалась того, чего хотела.

— Смотрите еще раз, — говорила она, если они не замечали, как точно она уложилась в установленное время или как красиво топнула ножкой.

— Ты можешь записать меня на новый курс? — спросила она.

— Уже записал, — ответил Джек. Это означало час езды до Амоши, а потом и обратно по разбитой дороге, но при виде танцующей дочки его сердце наполнялось счастьем и готово было выскочить из грудной клетки. — А когда ты вернешься к маме, она запишет тебя на танцы?

— Не знаю. Пожалуй, нет. — Лили сказала это спокойно, с тем же смирением, с каким отнеслась к тому, что ее родители будут жить в тысячах миль друг от друга, и Джек почувствовал острый укол грусти.

Он познакомился с Сарой в университете Найроби. Они оба жили далеко от дома — юные, свободные и голодные. Он до сих пор помнил, как увидел ее в первый раз, когда она села рядом с ним на лекции в аудитории, чернокожую и рафинированную — десятки тонких косичек до плеч обрамляли ее лицо. Она была вся из себя городская девушка, а он — провинциал с ног до головы. Ей нравилось все фиксировать — цели, планы, даты, списки. Ему нравилось жить день за днем, час за часом. Она была аккуратной и осторожной. Он — импульсивным и бурным. Их семейная жизнь была обречена с самого начала, но разве это когда-нибудь останавливало влюбленных? Он втрескался по уши, она тоже — и какой это был кайф! Но в конце концов Сара не выдержала изолированной и непредсказуемой жизни на кофейной ферме. Однако ферма Кабури была для Джека средством к существованию, родным домом и наследием. Неровный, стремительный ритм пульсировал в его венах, словно темный, насыщенный кофе. Джек видел, что он

был и у Лили — жаркий, бурный вихрь магии и безумия. Вот почему она так любила танцевать. Но ничего не поделать, ему придется смотреть, как чистая, трепетная натура дочки будет постепенно меняться, вымываться, потому что она слишком подолгу жила далеко от фермы.

— Может, запишет, если я буду лучше учиться, — продолжала Лили.

Ну вот, опять. Структура, форма, функция, дисциплина. Нет, конечно, неплохая вещь для ребенка, но только все, что выпадало за рамки этих параметров, отсекалось и выбрасывалось. Джек долго смотрел, как из их семейной жизни вымывалась радость, и наконец она стала как дуршлаг с размороженными овощами, где не осталось ни вкуса, ни аромата. В свое время Сара не оставила им места для радости, для простого сознания того, что ты живешь на этом свете, и теперь делала то же самое и с Лили. У нее уже имелся план в отношении дочери, и он не включал личные эмоции.

— Ну, доченька, твоя мама права. — Джек повернул к ней лицо. — Мы оба хотим, чтобы ты хорошо училась, когда вернешься домой. Но сегодня ты потанцуй! И когда ты... — Он заморгал от ослепившей его мгновенной вспышки света.

— Лили, ты истратишь всю пленку, — предупредил Джек.

— И что такого? — Лили достала полароид молочного цвета, начинавший проявлять фотографию, направила на себя объектив и нажала на спуск.

— Отдай мне фотоаппарат.

— Нет! — заверещала она и оттолкнула его липкими пальцами.

— Ух. — Джек вытер шоколад с лица. Они проезжали мимо мелких лавок с рекламой кока-колы и фанты,

мелькали деревья с ярко-зелеными кронами и пятна красной вулканической почвы. — Ты весь фотоаппарат измазала в шоколаде.

— Сейчас вытру. — Лили сняла панаму, которую ей сшила Гома, и вытерла камеру. — Теперь все нормально!

Джек улыбнулся и покачал головой. Они свернули к моллу, где выступала ее танцевальная группа. Это была короткая, неформальная программа для родных, друзей и посетителей молла.

— Пошли! Мисс Тему ждет нас! — Лили выскочила из машины, как только они нашли место на парковке. В молле «Килимани» суббота была самым многолюдным днем; обычно в этот день недели там собирался чуть ли не весь город.

— Подожди, — сказал Джек. Он почти закончил поднимать стекла, когда зазвонил телефон. Работник с его фермы просил купить кое-что в городе.

Лили обежала вокруг машины и встала возле водительской дверцы. Стекло было тонированным, дочка прижимала к нему ладошку, заглядывала в салон и строила забавные рожицы, пока Джек не закончил разговор.

— Пошли, деточка. — Он взял ее за руку.

Выступления проходили на нижнем уровне молла, в маленьком холле возле фудкорта. По дороге Лили остановилась возле торговца воздушными шарами.

— Можно купить желтый шар для Аристутля? — Она протянула руку к одному из шаров, наполненных гелием.

Аристутль, ручная черепаха дочки, долгое время оставался безымянным, пока Гома не дала пресмыкающемуся эту кличку из-за сложных вопросов, которые задавала ему Лили.

— Что Аристутль будет делать с шаром? — удивился Джек.

— Ты ведь знаешь, как он всегда теряется.

— Потому что ты позволяешь ему ползать вокруг дома.

— Потому что я не люблю сажать его в клетку. Если я привяжу шар к его панцирю, мы всегда будем знать, где он.

— Ну, это так абсурдно, что хочется верить, — засмеялся Джек и достал свое портмоне. — Мы возьмем желтый.

— Извините, но их шесть в связке, — сказал продавец. — У меня есть одиночные шары другого цвета, а желтые закончились. — Он с любопытством посмотрел на них, но Джек уже привык к этому. Это началось во время их романа с Сарой и продолжалось до сих пор. Смешанный брак и дочка-полукровка. Люди всегда обращали внимание на такой контраст.

Джек посмотрел на Лили. Она не отрывала глаз от ярких шаров.

— Ладно. Я возьму все шесть.

Когда он наклонился и протянул ей шары, она обхватила его руками и крепко сжала.

— Я люблю тебя, папочка! Ты самый лучший на свете!

Рядом мелькали незнакомые лица, но в тот момент Джек был поражен сладкой тишиной, разлившейся вокруг них; среди обычного дня у него сделалось тепло на душе, а жизнь обрела смысл.

— Только не привязывай их к Аристутлю сразу все, а то он улетит, — сказал Джек.

Лили хихикнула и побежала к эскалатору. Шары плясали вокруг нее, будто солнечные искры.

— Лили! — воскликнула ее инструктор по танцам, когда они вошли в зал. — Какая ты красивая!

— Это радуга. — Лили покружилась, демонстрируя балетную пачку, шитую Гомой. — Моя любимая.

— Потрясающе. — Инструктор повернулась к Джеку. — Привет, Джек.

— Мисс Тему. — Он кивнул, окинув взглядом гибкую фигуру танцовщицы и гладкую кожу цвета какао.

— Я — Мара, — поправила она, как делала много раз до этого. Она откровенно интересовалась им, но Джек предпочитал не нарушать баланс отношений в танцевальной группе дочери. Там было полно мам, а он — единственный из отцов, кто приезжал с ребенком. Дамы все таяли при виде него, и не только потому, что Джек — его голос, руки, жесты — излучал тестостерон, но и потому, что он заботливо и весело обращался с Лили. Дам тянуло к нему, и Джек, чтобы не возбуждать их ревность, все внимание уделял только Лили.

— Иди вон туда, за занавес, — сказала мисс Тему.

— Держи, папочка! — Лили протянула ему шары. — Как я выгляжу?

— Чудесно. Как всегда.

— Мои волосы не растрепались?

Джек сел на корточки и поправил ее завязанные на затылке волосы. Поцеловал дочку в лоб и вытер со щеки каплю шоколада.

— Вот. Все хорошо?

— Все хорошо! — Она кивнула, с трудом сдерживая восторг перед своим выступлением на сцене. — Ты сядь в первый ряд, чтобы я видела тебя, ладно?

— Я знаю, Лили. Разве я тебя когда-нибудь подводил?

— Не забудь записать мой танец!

— Ступай. — Джек засмеялся. — Танцуй как вихрь.

Лили радостно вздохнула и улыбнулась:

— Я увижу тебя на той стороне.

— Я увижу тебя на той стороне, доченька. — Он смотрел ей вслед, когда она скрылась за занавесом.

— Джек... — Мисс Тему похлопала его по плечу. — Шары. Они будут отвлекать. Может, вы уберете их?

— Конечно. — Джек окинул взглядом зал. Он постепенно заполнялся, но первые два ряда были оставлены для родителей юных танцовщиц. — Я успею сбежать к машине и положить их?

— Начнем мы через пять минут, но Лили выступает третья, так что все нормально.

— Отлично. Я быстро.

Джек снова поднялся по эскалатору. Аромат свежесваренного кофе настиг его обоняние, когда Джек проходил мимо кафе, и напомнил об оставшейся в машине дорожной кружке-термосе. Он не знал ничего лучше вкуса кофе-арабики с его фермы. Выдающийся вкус достигался благодаря точному соблюдению технологии — от посадки до сбора кофейных бобов и обжаривания их в крутящемся барабане над газовым пламенем. Джек отпер машину, достал кружку и с удовольствием сделал большой глоток.

Он собирался сунуть воздушные шары в салон, но вдруг воздух раскололся с резким треском. Сначала он подумал, что это быстро лопнули один за другим воздушные шары, но у звука было эхо, грохот, прокатившийся по парковке. Когда грохот повторился, Джек похолодел до мозга костей. Он мог отличить звук выстрелов. На ферме в глубинке Африки не выживешь, если не умеешь защищаться от диких животных. Но Джек никогда не стрелял из автомата, а доносившиеся из молла очереди звучали очень похоже.

Говорят, что истинная сила человека проявляется во времена бедствий. Но это странная и несправедливая оценка. Потому что несчастья и катастрофы — это

всегда нелепые, безумные монстры, таящиеся на периферии твоего кругозора. И когда одна из этих бесформенных, расплывчатых теней возникает перед тобой, нагая и гротескная, она совершенно лишает тебя сил. Твои органы чувств регистрируют нечто настолько неожиданное и странное, что ты сомневаешься в его реальности. словно на тебя с неба падает голубой кит. Вот и Джек застыл, парализованный, с кружкой кофе в одной руке и воздушными шарами в другой на парковке «Б» в ясный июльский день, а из молла «Килимани», где он пару минут назад оставил дочку, трещали автоматные очереди.

Лишь когда раздались крики, а из дверей выскочили охваченные паникой люди, Джек очнулся и заморгал. Он даже не почувствовал, когда ему на сандалии пролился из кружки обжигающе горячий кофе. Не заметил, как шесть желтых воздушных шаров уплыли в голубое, словно тот кит, небо. Джека просто охватило отчаяние и тоска отца, которому надо было выручать дочку. Мгновенно охватило.

Если бы кто-то пролетел в тот момент над моллом, ему в глаза бросилась бы странная картина: люди толкались, дрались, чтобы первыми выбраться из здания, и только один мужчина толкался и дрался, чтобы попасть внутрь.

Скорее убеждением, чем силой Джек пробился сквозь массу людей. В молле был настоящий хаос. Грохотали, трещали выстрелы. всюду виднелись оброненные сумки, туфли, сандалии, лужицы от пролитых напитков. Тележка с воздушными шарами стояла брошенная; улыбающиеся рожицы и диснеевские принцессы глядели с шаров на всю эту панику. Джек не останавливался, не глядел налево и направо. Не глядел, кто друг, а кто

враг. Он мчался мимо кафе, мимо недоеденных миндальных круассанов и растоптанного печенья, мимо криков о помощи. В его мозгу была одна четкая цель — добраться до нижнего зала, что рядом с фудкортom.

«Ты сядь на первый ряд, чтобы я видела тебя, ладно?»

«Я знаю, Лили. Разве я тебя когда-нибудь подводил?»

Джек почти добежал до эскалатора, когда перед ним остановился годовалый малыш. Он потерялся и уже обессилел от плача. Джек едва слышал сквозь стук собственного сердца его слабый плач. На миг они встали друг против друга — малыш с раскрашенной под бэтмена мордочкой и потекшей от слез краской и мужчина, который долю секунды разрывался между стремлением добежать до дочки и желанием отнести малыша в безопасное место.

Джек шагнул в сторону. Он был уверен, что навсегда запомнит лицо карапуза, ожидание в его больших, круглых глазах, соску-пустышку, пристегнутую к рубашке. Когда он задвинул свое чувство стыда в темный угол своей души, какая-то женщина закричала:

— Иса! Иса!

По тому, как мальчик повернулся на голос, было ясно, что женщина звала именно его.

Джек с облегчением вздохнул и шагнул к эскалатору.

— Мистер. Остановитесь. Пожалуйста. Вынесите отсюда моего сына.

Она лежала на полу в десяти футах от Джека и держалась за лодыжку. Она была беременна. И ранена. Рядом валялась опрокинутая прогулочная коляска.

— Пожалуйста, унесите его отсюда, — взмолилась женщина.

Люди все еще бежали по моллу паническими цветовыми пятнами, но из *всех* людей она просила

Джека. Возможно, потому что Джек единственный услышал ее. Возможно, потому что он заметил среди хаоса плачущего карапуза. Она не просила за себя, не заботилась о собственной безопасности. И это их объединило. Они оба хотели одного — вывести отсюда своих детей.

Джек уже чувствовал под рукой движущийся пояс эскалатора.

Спуститься вниз.

Нет. Помочь им.

— Мне очень жаль, — сказал он. Каждая потраченная секунда отдаляла его от Лили.

Он спрятал было глаза, но в последний момент увидел, как малыш обнял мать, увидел его радость и уверенность, что теперь все будет хорошо, и, по контрасту, отчаяние и беспомощность в ее взгляде.

Блин.

Тут Джек сделал самую трудную, смелую и самую бескорыстную вещь в своей жизни. Он повернул назад. Одной рукой он схватил мальчика, другой поддержал его мать и вывел их на улицу. В его подогретом адреналином состоянии это заняло не больше минуты. Но эта минута все и решила.

Когда он снова вернулся в молл, взрыв сотряс здание и сбросил Джека со ступенек. На него упала стеклянная панель и придавила к земле. Обломки металла и бетона дождем обрушились на парковку, разбили фары и ветровые стекла. Пронзительный вой полицейских машин и «скорых» смешался с непрерывным воем автомобильной сигнализации. Молчали только раненые люди, некоторые из них умолкли навсегда.

Джек пошевелился, борясь с темнотой, грозившей утащить его с собой. Он вспомнил, что должен был что-